

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ:
ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ
ЕВРАЗИИ**

**№ 5
2017**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 5 2017

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Бобров Л.А., д.и.н. (Новосибирск); **Ганбат Н.**, д.и.н. (Улан-Батор, Монголия); **Горбунов В.В.**, д.и.н. (Барнаул); **Губайдуллин А.М.**, к.и.н. (Казань); **Кирпичников А.Н.**, д.и.н., проф. (Санкт-Петербург); **Кушкумбаев А.К.**, д.и.н. проф. (Астана, Казахстан); **Иванов В.А.**, д.и.н., проф. (Уфа); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Йотов В.**, д.и.н., доц. (Варна, Болгария); **Нарожный Е.И.**, д.и.н. (Армавир); **Худяков Ю.С.**, д.и.н., проф. (Новосибирск).

Редакционная коллегия номера:

д.и.н. Е.И. Нарожный, д.и.н. И.Л. Измайлов, к.и.н. В.Н. Чхаидзе

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

archeostepps@gmail.com<https://www.evrazstep.ru>

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 5 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Ganbat Namdan**, Doctor of Historical Sciences (Ulan Bator); **Gorbunov Vadim V.**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **Gubaidullin Ayrat M.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khudyakov Yuliy S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Novosibirsk); **Kirpichnikov Anatolii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Saint Petersburg); **Kushumbaev A.K.**, Doctor of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan); **Ivanov Vladimir A.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Ufa); **Izmailov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Narozhnyi Evgenii I.**, Doctor of Historical Sciences (Armavir); **Yotov Valeri**, Doctor of Historical Sciences, Associate Prof. (Varna, Bulgaria).

Editorial Board of the issue:

Doctor of Historical Sciences **Evgenii I. Narozhnyi**,
Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**,
Candidate of Historical Sciences **Victor N. Chkhaidze**

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
archeostepps@gmail.com
<https://www.evrastep.ru>

© LLC “Povolzhskaya arkheologiya”, 2017

© Tatarstan Academy of Sciences, 2017

© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	8
Военная археология: теория и методика исследования	
<i>Измайлов И.Л. (Казань, Россия)</i> Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия.....	16
Древность	
<i>Чишев В (Х).Т. (Владикавказ, Россия).</i> Клинковое оружие Эльхотовского могильника кобанской культуры	23
<i>Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. (Армавир, Россия).</i> Предметы воинского быта и конского снаряжения из культурного слоя позднекобанского поселения «Кишпек-2» (Кабардино-Балкария)	28
<i>Туаллагов А.А. (Владикавказ , Россия).</i> К интерпретации сюжета на серебряной пиксиде из Косикого погребения	36
<i>Негин А.Е. (Нижний Новгород, Россия).</i> Сфероконические шлемы в римской армии II–III веков н. э.	46
Средневековье	
<i>Пилипчук Я.В. (Киев, Украина).</i> Новый «бич Божий»: войны венгерских вождей времен «обретения Родины» по данным латиноязычных европейских источников	55
<i>Нарожный Е.И. (Армавир, Россия).</i> Шлем из раннеджучидского захоронения у сел. Семеновод (Ставрополье)	67
<i>Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия).</i> Средневековый курган с двумя ровиками из курганного могильника Совруно -1 на Ставрополье	74
<i>Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия).</i> Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья	90
<i>Дружинина И.А. (Москва, Россия).</i> Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.)	99
<i>Швецов И.Л. (Донецк, Украина).</i> Песнь Степи	108
<i>Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю. (Москва, Россия).</i> Золотой перстень с греческой надписью в погребении средневековой кочевницы.....	117
<i>Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия) .</i> Шлем с Деисусом из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. К вопросу о происхождении и датировке.....	122
<i>Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А .М. (Казань, Россия)</i> Укрепления города Биляра и городища его округа как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии	133
<i>Илюшин А.М. (Кемерово, Россия).</i> Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3)	144
<i>Матюшко И.В. (Оренбург, Россия).</i> Вооружение и конская упряжь кочевников степного Приуралья по материалам золотоордынских погребений.....	152

<i>Иванов В.А.</i> (Уфа, Россия). Статистическая корреляция и география комплексов вооружения кочевников Золотой Орды.....	160
<i>Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю.</i> (Армавир, Магас, Россия). Погребения «копейщиков» Келийского могильника (высокогорная Ингушетия)	167
<u>Мужухоев М.Б.</u> <i>Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.</i> (Назрань, Армавир, Магас, Россия). Воинское погребение № 33 Келийского могильника (горная Ингушетия)	177
<i>Бакрадзе И.З.</i> (Тбилиси, Грузия). Шлем вавельского типа в Историческом музее г. Цагери. (Грузия)	186
<i>Измайлов И.Л.</i> (Казань, Россия) Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников.....	196

Раннее Новое время

<i>Зайцев И.В., Эминов Р.Р.</i> (Москва, Бахчисарай, Россия). Два ружья Крымских ханов.....	210
<i>Бобров Л.А., Зайцев В.П., Орленко С.П.</i> (Новосибирск, Санкт-Петербург, Москва, Россия) Центральноазиатский «шелом булатной» конца XVI – первой трети XVII в. из числа даров Эрдэни Дай мэргэн Нансо	216

In memoriam

<i>Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.</i> (Москва, Россия). Вспоминая Михаила Викторовича Горелика	231
<i>Измайлов И.Л.</i> (Казань, Россия) Вклад М.В. Горелика в развитие российской военной археологии.....	240
<u>Горелик М.В.</u> Культура Империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы)	253
<u>Горелик М.В.</u> Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси	257
<u>Горелик М.В.</u> Латная конница древних венгров	272
<u>Горелик М.В.</u> Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным)	280
<u>Горелик М.В.</u> Половецкая знать на золотоордынской военной службе.....	303
<u>Горелик М.В.</u> Золотоордынские латники Прикубанья	337
Список сокращений	352

CONTENS

From the editorial board	8
Military archeology: theory and methodology of the study	
<i>Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation)</i> Military archeology of the people of Eurasia: to the question on the concept maintenance	16
Ancient period	
<i>Chshiev V. (Kh.) T. (Vladikavkaz, Russian Federation)</i> Bladed Weapons from Elhotovo Burial Ground of the Koban Culture	23
<i>Mokrushin V. P., Narozhnyi E. I. (Armavir, Russian Federation)</i> Military artefacts and horse ammunition from the cultural layer of Kishpek-2 late Koban settlement (Kabardino-Balkaria).....	28
<i>Tuallagov A. A (Vladikavkaz, Russian Federation)</i> The interpretation of a motif on a silver pyxis from a Kosika burial	36
<i>Negin A. E. (Nizhny Novgorod, Russian Federation)</i> Sphero-conical helmets in roman army of II-III centuries c.e.	46
Medieval period	
<i>Pilipchuk Ya. V. (Kiev, Ukraine)</i> New «scourge of god»: campaigns of hungarian leaders at period of obtaining of motherland according to roman sources	55
<i>Narozhnyi E.I. (Armavir, Russian Federation)</i> A helmet from an early juchid burial near Semenovod village (Stavropol krai)	67
<i>Babenko V.A. (Stavropol, Russian Federation)</i> A medieval barrow with two ditches from Sovruno-1 barrow burial mound in Stavropol krai	74
<i>Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation)</i> Spurs from the burials of medieval nomads in the steppe Ciscaucasia	90
<i>Druzhinina I.A. (Moscow, Russian Federation)</i> A flanged mace from a barrow near Abinskaya village (based on excavations by V.G. Tizengausen in Kuban oblast, 1879)	99
<i>Shvetsov M. L. (Donetsk, Ukraine)</i> The song of the steppe	108
<i>Chkhaidze V.N., Vinogradov A. Ya. (Moscow, Russian Federation)</i> A golden ring with a greek inscription a medieval nomad burial	117
<i>Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation)</i> A helmet with the Deesis from the collection of the Armoury Chamber in the Moscow Kremlin. Origins and dating	122
<i>Shakirov Z. G., Khuzin F. Sh., Gubaidullin A. M. (Kazan, Russian Federation)</i> Fortifications of the town of bilyar and the neighbouring settlement as a defensive system of the administrative and political centre of Volga Bolgaria	133
<i>Ilyushin A. M. (Kemerovo, Russian Federation)</i> The armament complex of nomads from eastern Dast-i- Kipchak (based on materials from the excavations of Musokhranovo – 3 barrow group).....	144
<i>Matyushko I.V. (Orenburg, Russian Federation)</i> Armament and horse ammunition of nomads from the Steppe Cisurals based on materials from golden horde burials	152

<i>Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation)</i> Statistical correlation and geography of the armament complexes of Golden Horde nomads	160
<i>Narozhnyi E. I., Narozhnyi V.E., Chakhkiev D.Yu. (Armavir, Magas, Russian Federation)</i> Burials of ‘spearmen’ from Keliya burial ground high-mountain Ingushetia	167
Muzhokhoyev M.B. <i>Narozhnyi E.I., Chakhkiev D.Yu. (Nazran, Armavir, Magas, Russian Federation)</i> Military burial no.33 from keliya burial ground (mountain Ingushetia)	177
<i>Bakradze I. Z. (Tbilisi, Georgia)</i> A helmet of the wavel type in the historical museum of Tsageri (Georgia)	186
<i>Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation)</i> Armament and military art of Kazan Khanate in 15 th - first half of 16 th centuries: a comprehensive analysis of sources.	196
Early modern period	
<i>Zautsev I. V., Eminov R. R. (Moscow, Bakhchisaray, Russian Federation)</i> Two guns belonging to Crimean khans	210
<i>Bobrov L. A., Zaitsev V. P., Orlenko S. P. (Novosibirsk, Saint-Petersburg, Moscow, Russian Federation)</i> Centrasian “bulat helm” of the end the 16 th - the first third of the 17 th century from among the gifts of Erdeni Dai mergen Nangso	216
In memoriam	
<i>Druzhinina I. A., Chkhaidze V. N. (Moscow, Russian Federation)</i> Remembering Mikhail Viktorovich Gorelik	231
<i>Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation)</i> M.V. Gorelik’s contribution to the development of russian military archaeology	240
Gorelik M. V. The culture of empires created by nomads (scythians, khazars, mongols).....	253
Gorelik M. V. The image of the men-wrarrrior in Kabaria-Ugria-Russia.....	257
Gorelik M. V. The armored cavalry of the ancient hungarians	272
Gorelik M. V. The circassian warriors of the Golden Horde (according to archeological data)	280
Gorelik M. V. The polovtsian nobility on a military service in the Golden Horde	303
Gorelik M. V. The armoury warriors of the Golden Horde IN the Kuban region	337
List of Abbreviations	352

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 355.48+930.26+571

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

© 2017 И.Л. Измайлов

В статье дается понятия военной археологии, как дисциплины, которая изучает раздел археологии, занимающийся изучением древностей, относящихся к вооружению, военному делу, воинскому снаряжению, военно-оборонительному делу и, в целом, военной культуры, а также полей сражений и мест, связанных с военно-политической активностью (захоронения воинов, памятные сооружения и т.д.) для изучения военной культуры и военной деятельности древних и средневековых социумов. Использует процедуры и методики археологических исследований с учетом определенной специфики использования вооружения, военной культуры и военного дела. Объектом исследования военной археологии является изучение предметов вооружения, конской амуниции, защитного снаряжения, а также вспомогательные и походные средства, фортификация и осадная техника, военный костюм, военная эмблематика и символика. Хронологически военная археология включает период от древности, когда война стала специализированным занятием части населения до нового времени, когда производство оружия приобрело промышленный характер, а война стала вестись массовыми рекрутируемыми из своего населения государственными армиями.

Ключевые слова: война, военная археология, археология, вооружение, военное дело, военный костюм, военная символика, фортификация, военно-служилое сословие, история древней и средневековой Евразии.

Войны играли и играют важную роль в жизни человечества. Со времени становления производящего хозяйства (особенно хозяйственно-культурного типа кочевого скотоводства) и начала обработки металлов в степном и лесостепном поясе Евразии война и военная культура стали неотъемлемой частью истории древних скотоводов и земледельцев. В последующие исторические периоды от средневековья вплоть до новейшего времени влияние войн на все сферы жизни общества только усилилось.

Активизация войн и военных столкновений в степной и лесостепной зоне Евразии произошло в период освоения металлов, сначала металлургии меди и бронзы, а затем – железа. В этот период начинается период переселения больших групп населения и воинских миграций. Отличительной особенностью этих перемещений стало то, что они состояли из групп вооруженной молодежи, объединенных властью и авторитетом вождя, и происходили на территориях уже хорошо освоенных предшествующим населением. Изначально такие миграции были, очевидно, вызваны относительным перенаселением, но затем стали постоянной и широко практикуемой прак-

тикой. Эти воинские миграции происходили с целью захвата определенной территории, часто сопровождалось истреблением мужчин и/или обращением живых в рабство. Военная группа, таким образом, становилась господствующей элитой данного общества. Объединенные силой оружия общины становились вождествами (чифдом) и прообразом нового социального строя – государства (подробнее см.: Худяков, 1995).

Не исключено, что на первых этапах становления производящего хозяйства подобные образования были неустойчивыми и сильно зависели от авторитета вождя и сплоченности группы, способности ее к аккумуляции местного населения и т.д. Вероятно, на характер этих вождеств большое влияние оказывали социальные традиции и представления о власти. Например, в некоторых индоевропейских обществах ранней древности и даже античности, государства, как организованной системы господства и подчинения не возникало, хотя система вождей и воинской элиты была.

Позднее в период становления государственности, которая возникла у народов Северной Евразии под влиянием пояса цивили-

лизованных стран от Средиземноморья до Дальнего Востока, война и военные действия приобрели регулярный характер. Кроме обычных целей войны – захват ценностей и пленников, они стали преследовать также различные политические цели, в первую очередь для оказания непрямого воздействия на соседей с целью получить от них материальные выгоды. С середины III века до н. э. в процессы классообразования активно включились тюрко-монгольские народы Евразии, создавшие эффективную военную систему, а позднее близкие к ним соседи – кочевые угры и тунгусо-маньчжуры.

Военное искусство тюрко-монгольских государств, благодаря постоянному использованию в боевой практике, длительное время развивалось и совершенствовалось в качестве самостоятельного явления всемирной истории. Благодаря передовому военному делу и развитой социальной структуре тюрки, а позднее монголо-татары оказывали существенное, а в отдельные исторические периоды и решающее воздействие на ход исторических событий в средневековой Евразии в целом.

Прямая зависимость функционирования общества от степени развития военной культуры объясняется не только тем, что войны вели к захвату новых богатств, пленных и расширение территории государств, но и той ролью, которую играло в его жизни военнослужилое сословие, чьей профессией была война. Средневековая военно-служилая знать (рыцарство, а позднее – дворянство) структурировало все общество, во многом определяя степень его этнического, социального и культурного развития. Это сословие профессиональных воинов вырабатывало свою культуру, которая кроме чисто военных (вооружение, военное искусство, специальные трактаты по военному делу, военная организация) включала целый ряд культурно-этологических аспектов – таких как рыцарский этос (психофизическая подготовка, боевые искусства, мораль и этикет, стереотипы сознания и образ жизни), а так же символика (в том числе геральдика), фольклор (мифы о вождях и их завоеваниях и войнах, героический эпос и т.д.), литература (истории деяний предков, рыцарские романы и генеалогии) и т.д. Все это в древности и средневековье часто было пронизано религиозными мотивами «борьбы за веру» («священная война») и идеальными представлениями о «пути воина» – рыцарским кодексом чести. Примыкают к военной культуре также медицина, связанная с лечением боевых ран и

травм, диетология в части изучения походной пищи и т.д.

Войны и регулярные военные столкновения немислимы без создания специализированных средств ведения вооруженной борьбы. Если на первых этапах в качестве оружия sporadически использовались охотничьи орудия – копья, лук и стрелы, топоры и ножи, то по мере усложнения системы военных столкновений и появления слоя людей, занимавшихся им практически профессионально, возникают новые специализированные «орудия войны» – боевые палицы и топоры, мечи, боевые серпы и главное – защитное вооружение. Новый импульс этим тенденциям придало освоение металлов и превращение войн в особый промысел, а позднее и в образ жизни.

Первой революцией в военном деле народов степной Евразии, изменившей ход истории, стала domestикация лошади и появление колесниц, а позднее и всадничества. Освоение лошади и преимуществ, связанных с использованием упряжек и верхового коня, привело, наряду с широким использованием бронзового оружия, к военному доминированию воинских мигрантов из степей во всей Евразии и завоеванию ими значительных территорий Ближнего и Переднего Востока, Индостана и Срединной Азии (см.: Ковалевская, 1977; Кузьмина, 2008; Клейн, 2010). Этапом в развитии военного дела и вооружения народов степной Евразии, оказавшем определяющее влияние на все развитие военного дела в цивилизованной ойкумене стало появление особых контингентов конных копейщиков закованных вместе с боевым конем в чешуйчатые доспехи. Появление катафрактариев сделало народы, снаряжавшие подобные воинские контингенты, в число передовых в военном отношении политий, а также оказало важное влияние на все развитие военного дела, предопределив появление европейского рыцарства и тяжеловооруженной кавалерии (см.: Хазанов, 1971: 64-90).

Следующим этапом развития военного дела народов степной Евразии стало изобретение в III-VII вв. сложносоставных луков, стремян с жестким седлом, узколезвийных пик, кривых однолезвийных клинков – сабли и стальных пластинчатых доспехов (панцири, шлемы, конские доспехи). Развитие подобного комплекса вооружения, достигшее расцвета в древнетюркский период привело к доминированию степной кавалерии на полях сражения Старого Света, а появление их сыграло

настолько революционную роль, что ее можно сравнить с поздней «огнестрельной» революцией XV-XVII вв. Использование новых форм луков и типов наконечников стрел, устойчивой посадки в седле и сабель в ближнем бою привело к воинским победам и резкому усилению военно-политического влияния и авторитета тюркских народов в мире. Кульминация использования этого комплекса вооружения достигла в Монгольской империи и государствах наследников Чингиз-хана. В поздней средневековой системе военного дела степных народов Евразии постепенно стала деградировать, а после широкого внедрения огнестрельного оружия пришла в упадок и автаркию.

Войны и военное искусство народов Евразии оставили глубокий след в истории Евразии. Не удивителен вследствие этого постоянный интерес современников к причинам их возвышения и особенностям их боевой практики. История войн, особенности военного искусства, организации войска и вооружения довольно подробно описаны на страницах летописей и трактатов, изображены на рисунках и миниатюрах. Постепенно, по мере развития огнестрельного оружия и крушения государств Чингизидов, военное дело тюркских народов отошло на периферию развития военного дела, а изучение их боевого опыта из актуальных тем – в область военной истории.

Всплеск интереса к военному делу тюрко-татар обозначился после наполеоновских войн, когда потребовалось осмыслить значение этих общеевропейских войн в историческом контексте и внезапно возрос интерес к «Наполеону Средневековья» – Чингиз-хану. Не только как завоевателю из глубин Азии, которая стала объектом колониальной экспансии европейских держав и России, но и как полководцу, которому удалось создать мировую евразийскую империю. Именно в середине XIX в. начали появляться работы военных историков (например, М.И. Иванина, И.М. Марков, Н.С. Голицын и др.), анализировавших особенности военной тактики монголов и татар. Другим направлением исследований в этот период было изучение военной археологии – предметов вооружения, остатков валов и рвов древних городов и т.д. С точки зрения изучения военной истории этот период можно назвать временем накопления материала и несистемного изучения отдельных сюжетов, наиболее полно отраженных в письменных источниках, таких как завоевания Чингиз-хана и Бату, а так же оборона и взятие Казани

в 1552 г. Но эти труды заложили основу для нового подхода к изучению военной истории и культуры.

Вместе с тем, в этот период четко обозначились и организационно-концептуальные издержки, которые тормозили исследование военного дела татар и их предков. Во-первых, не оказалось дисциплины, которая бы ставила своей задачей изучение этой проблемы. Военная наука, в силу своей организационной оторванности от академических исследований ставила ее в самом общем виде, в основном в традиционном русле изучения войн Чингиз-хана и эмира Тимура. Этнология и традиционная этнография народов степной и лесостепной Евразии, в силу отсутствия очевидных пережитков военной культуры, как это было у народов Средней Азии и Кавказа, не изучала этот вопрос. Археология практически исследовала только древности, полученные в ходе сборов и раскопок, как правило, не позднее XVI в. Во-вторых, исследование проблем военной истории тормозилось специально санкционированной коммунистическим руководством так называемой «борьбой за мир». Под предлогом того, что советскому народу всегда был чужд милитаризм, огульно запрещалось изучение и пропаганда сведений об оружии, военном костюме, военной игрушке не только татар, но вообще всех нерусских народов Советского Союза. В отношении тюрко-татар и монголов, а также их предков эта политика усугублялась запретом на изучение степных империй, включая тюркские государства, Монгольскую империю, Золотую Орду и татарские ханства, которые объявлялись «рыхлыми, паразитическими объединениями» со слабо развитым социальным строем и военным делом. Концепция эта подкреплялась и смыкалась с традиционной теорией о «мирном характере татар и их предков», которые якобы больше занимались торговлей, чем военным строительством, которая глубоко засела в умах советских историков, боявшихся обвинений в национализме и прославлении Золотой Орды. В-третьих, военно-политическая история и военная культура татар считалась полностью разрушенной и утраченной после завоевания их Русским царством. Этот подход явно преуменьшал и игнорировал как сильное влияние тюрко-татарской военной культуры на русскую, так и частичного сохранения сословия служилых татар, игравших важную роль в военной системе Русского государства вплоть до начала XVII в.

В настоящее время по мере стала осознаваться необходимость изучения традиций этнополитической и военной истории. Способствовало этому также углубление представлений о военном сословии и его культуре, изученных как на материалах средневековой Западной Европы, так и Дальнего и Ближнего Востока.

Все это заставляет ставить вопрос об изучении военной культуры народов степной Евразии как комплексной, междисциплинарной проблемы. Цель ее исследования является не простое любопытство, а выявление закономерностей становления и развития военной истории во все ее полноте, которая невозможна без представления о военной культуре и военной археологии степной Евразии. Основными направлениями этих исследований должны стать выявление всего комплекса источников – вещественных, письменных, изобразительных, определение роли и значения различных народов в развитии военного дела Евразии, характер влияния религий и верований, включая ислам на развитие военной культуры тюрков, этапы и формы взаимодействия военных систем народов степной Евразии с русской, традиции и современное развитие военной культуры.

Специальной программы требует изучение *военной археологии*, как раздела археологии, занимающегося изучением древностей, относящихся к вооружению, военному делу, воинскому снаряжению, военно-оборонительному делу и, в целом, военной культуры, а также полей сражений и мест, связанных с военно-политической активностью (захоронения воинов, памятные сооружения и т.д.) для изучения военной культуры и военной деятельности древних и средневековых социумов. Использует процедуры и методики археологических исследований с учетом определенной специфики использования вооружения, военной культуры и военного дела. Объектом исследования военной археологии является изучение предметов вооружения (мечи, сабли, кинжалы, наконечники копий, топоры, луки и стрелы и т.д.), конской амуниции (удила, псалии, седла, детали узды, элементы сбруи и другой амуниции), защитного снаряжения (панцири, шлемы, щиты, другие детали доспеха), а также вспомогательные и походные средства (хасак и др.), фортификация (военное зодчество и военно-инженерное искусство) и осадная техника (детали метательных и осадных машин и приспособлений), военный костюм, военная

эмблематика и символика. Хронологически военная археология включает период от древности, когда война стала специализированным занятием части населения до нового времени, когда производство оружия приобрело промышленный характер, а война стала вестись массовыми рекрутируемыми из своего населения государственными армиями.

Проблема соотношения военной археологии и собственно военной истории не совсем проста и имеет такую же диалектическую связь, как археологический источник с историческим фактом. Это скорее процедура и построение универсальных образов, а не прямая иллюстрация. Совершенно понятно, что в археологическом источнике заложена историческая информация, но степень ее полноты и возможность однозначного восприятия в силу искажения или полной утраты тех связей, в которых объективация этих предметов происходила в прошлом. В этом отношении важен не столько разрыв в традиции использования того или иного предмета, который никогда не бывает полным для целого класса или комплекса однородных предметов, сколько узость экспериментальных возможностей исследователя и вероятностный, реконструктивный характер исторической интерпретации археологического материала (Клейн, 1978: 61). В военной археологии подобным реконструктивным элементом, позволяющим протянуть мостик от набора предметов археологии к истории вооружения и военного дела, выступает *комплекс вооружения*. Данный элемент является высшим элементом реконструкции, доступным на основе процедур анализа непосредственно предметов, относящихся к сфере компетенции военной археологии. Комплекс вооружения является концентрированной и систематизированной абстракцией, которая от анализа отдельных предметов вооружения и деталей снаряжения, от конкретных типов и форм оружия перейти к анализу тенденции их развития, использования и модификации в условиях изменения боевой практики. Именно категория комплекса вооружения расположена между конкретикой военной археологии и историей военного искусства, созданного на основе изучения письменных источников, в качестве базового элемента для анализа в рамках военно-исторического исследования.

Традиция изучения военной археологии в России была положена в начале XIX в. после находок знаковых предметов вооружения, приписываемых великому владимирско-

му князю и ряд древнерусских могильников. В 1907 г. было образовано Императорское Русское военно-историческое общество, ставившее своей целью изучение и сохранение сведений о военной истории, поиск и археологические исследования мест сражений прошлого, создание и описание военно-исторических музеев, коллекционирование военной формы, оружия и атрибутики, публикация сведений о наследии предков. Оно издавало «Труды имп. Русского военно-исторического общества» (1909-1912 гг.) и «Записки разряда военной археологии и археографии» (1911-1914 гг.). В советское время эти традиции были преданы забвению, но в период Великой Отечественной войны стали возрождаться. В 1950-90-х гг. военная археология стала важной частью научного изучения древности и средневековья, но развивалась спорадически, а различные научные центры и отдельные специалисты практически не координировали деятельность между собой. Попыткой подобной координации стало образование в 1988 г. Комиссии по военной истории народов Востока, которая на первых порах объединила всех специалистов в области военного дела народов Евразии и начала выпускать свой ежегодник (Проблемы, 1988; Проблемы, 1990). С конца 1990-х военная археология получила новый импульс в виде специализированных научных конференций и научных трудов (Военная археология, 1998). Развивались региональные центры по изучению военной археологии и военной истории народов России и мира. В 2012 г. Указом Президента России было создано Русское военно-историческое общество. В мире военная археология является влиятельной и значимой исторической дисциплиной, а ее деятельность имеет широкий общественный резонанс. В 1957 г. под эгидой ЮНЕСКО было образована Международная ассоциация музеев оружия и военной истории (IAMAM).

В Казани изучение военной археологии имеет давние традиции и сосредоточено на изучении оружия, воинского снаряжения, фортификации и военной истории различных народов от эпохи поздней бронзы до раннего нового времени.

К военной археологии примыкает **военное музееведение**, которое включает как изучение предметов вооружения из музейных коллекций, особенно позднего средневековья, так и создание научных реконструкций. Экспозиции музеев должны быть пополнены, воссозданными на основе различных источников воинскими костюмами – доспехами

и полным воинским вооружением или их рисунками, а также макетами укреплений и их новоделами под открытым небом в историко-культурных заповедниках.

Новыми направлениями должны стать **военная этнография**, понимаемая широко – как традиционная народная культура. Предметом ее изучения должны стать традиции, остатки и пережитки прежней военной культуры, такие, например, как элементы воинского костюма в народной одежде, народные праздники (конные состязания, народная борьба и т.д.), диетология (походная пища), народная медицина. Важное место занимает изучение фольклора, который частично сохранил произведения рыцарского цикла, описания быта, обрядов и других элементов военной культуры.

Давние традиции имеет **военная лексикология**, которая, однако, требует более комплексного и монографического изучения. Особый вопрос стоит в формировании терминов, их заимствование различными народами Евразии, выявление этой лексики, ее фиксация и выяснение путей ее распространения. Важной задачей является актуализация этой лексики в современной науке и публичном пространстве в виде специализированных словарей. Так, например, работа над словарем Татарской энциклопедии выявила отсутствие в современном татарском языке терминов, адекватно отражающих средневековое военное снаряжение и явления военной истории. Недостаточная разработанность терминологии тормозит становление татарской военно-исторической науки и ведет к неоправданным заимствованиям. Между тем, значительная часть военной лексики, хотя и была выброшена из советских словарей, но сохранилась в литературе и отдельных диалектах. Очевидно, что несколько не лучше обстоит дело и у других народов с изучением данной проблемы. Гораздо лучше изучается русская военная лексика и намечены пути взаимодействия ее с тюркскими терминами (Сороколетов, 1970).

Кроме того необходимо начать изучение **военной символики и церемониала**. Выявить древние его элементы и возможности их использования в современной практике.

Необходимо развивать также **военную историографию**, которая призвана исследовать закономерности возникновения, функционирования и определять будущие направления разработки актуальных проблем военно-исторической науки.

История военно-стратегической мысли, пожалуй, самый слабоизученный вопрос татарской военной науки. Главная сложность – в отсутствии, в силу ряда причин, аутентичных военных трактатов. Можно только предполагать, что в период средневековья, будучи частью мусульманской цивилизации, где этот жанр теоретической мысли имел древнюю традицию и значительное распространение, тюрко-татарские военачальники не могли не быть знакомы с ними. Между тем, изучая военные кампании тюрков, монголов и татар, приходишь к мысли о наличии в их действиях продуманной общей стратегии и высокой степени оперативно-тактического мастерства, что проявлялось как в полевом сражении, так и обороне крепостей. Однако, несмотря на обилие общих военно-исторических трудов, военная мысль и тактика известных и анонимных полководцев степных народов Евразии практически не изучена, хотя изменения в характере военных действий в период древности и средневековья несомненны. Видимо, выявление характерных элементов военной доктрины и оперативно-тактических приемов требует специального источниковедческого анализа (подробнее см.: Худяков, 1980; Худяков, 1986; Бобров, Худяков, 2008 и др.).

Все вышесказанное показывает, что назрела необходимость обобщить все данные по военной истории приступить к созданию **истории военного искусства**. В данный момент эта задача может быть поставлена в плане подготовки очерков или научно-попу-

лярных работ по отдельным периодам и проблемам, а также создания учебника по этой теме. Оценивая многовековую историю военной культуры народов степной и лесостепной Евразии периода древности и средневековья, необходимо кратко очертить ее ключевые периоды и их содержание. Периодизацию есть смысл представить по основным этапам этнополитической истории:

- гуннский (середина III в. до н. э. – V в. н.э.)
- древнетюркский (V – X вв.)
- болгаро-кыпчакский (X в. – середина XIII в.)
- монголо-татарский (период государств Чингизидов)(вторая половина XIII в. – конец XVI в.)
- российско-имперский (вторая половина XVI в. – 1917)

Настоящий период является благоприятным для изучения военной культуры татарского народа, которые еще не были предметом специального изучения, тогда как историко-культурная значимость этого наследие вполне определена. Важность широкого изучения и пропаганды военно-исторического наследия несомненна из-за вполне определенного политического значения темы в связи с формированием и укреплением государственного и национального патриотизма, укрепления внутреннего единства народов России и других народов Евразии на почве сложной и кровавой, но нераздельной общей истории, в которой военная история и военная археология, несомненно, займут достойное место.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Ответ ред. В.М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. 344 с.

Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 150 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.

Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. 1. М.: Главная ред. вост. лит-ры, 1988. 65 с.

Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. 1. Л.: Всесоюзная ассоциация востоковедов, 1990. 212 с.

Происхождение и распространение колесничества. Луганск: Глобус, 2008. 319 с.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.). Л.: Наука, 1970. 383 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1995. 98 с.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

**MILITARY ARCHEOLOGY OF THE PEOPLE OF EURASIA:
TO THE QUESTION ON THE CONCEPT MAINTENANCE**

I. L. Izmaylov

In article it is given concepts of military archeology, as disciplines which studies the section of archeology which is engaged in studying of antiquities, concerning arms, military science, military equipment, military-defensive business and, in whole, military culture, and also fields of battles and the places connected with military-political activity (burial places of the soldiers, memorable constructions etc.) For studying of military culture and military activity of ancient and medieval societies. Uses procedures and techniques of archaeological researches taking into account certain specificity of use of arms, military culture and military science. Object of research of military archeology is studying of subjects of arms, horse ammunition, protective equipment, and also auxiliary and marching means, fortification and the obsidional technics, a military suit, military эмблематика and symbolics. Chronologically military archeology includes the period from an antiquity when war became specialised employment of a part of the population till new time when weapon manufacture has got industrial character, and war began to be conducted mass рекрутируемыми from the population by the state armies.

Keywords: war, military archeology, archeology, arms, military science, a military suit, military symbolics, fortification, military estate, history of ancient and medieval Eurasia.

About the Author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Scences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru